

МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ

РЕЧНЫЕ ПИСАТЕЛИ: ВИКТОР АСТАФЬЕВ И ВАЛЕНТИН РАСПУТИН

Так случилось, что в двадцатом веке именно эти писатели взяли на себя ношу великой русской литературы и, поразив своими книгами самых щепетильных читателей, стали настоящими классиками. Литература наша, всегда жившая подлинным, исконным, отторгая город с его элитарностью и западными веяниями, обманула цивилизацию и проложила себе основное русло через Сибирь – край, где русское ещё сохранилось нетронутыми очагами, как местами оставался соболь после убийственного перепромысла в начале двадцатого века.

Сто раз говорено, что город, пусть самый красивый и значимый, – человеке детище и наследует все человеческие грехи. В отличие от него природа – творение Божие, именно поэтому такая мощь и исходит от неё, и, питая художника, она заставляет соответствовать, равняться, а иногда и выстраивать заново. Эта нечеловечья мощь ярче всего проявляется в сибирских реках, не только могучих на вид, но и важнейших по сути, поскольку от них напрямую зависит жизнь в этих суровых краях: это реки-дороги, реки-кормилицы, реки-учителя... И чтобы до конца понять двух русских писателей Астафьева и Распутина, надо хорошенько представлять, что такое для Сибири реки Енисей и Ангара.

Итак, главный фарватер русской литературы прошёл именно по этим великим водным жилам, за каждую из которых будто отвечал свой писатель: за Ангару – Распутин, за Енисей – Астафьев. Страшное географическое противоречие современной России – смещение Центра к Западу, тогда как самые непостижимые и глядящие в будущее территории расположены от него далеко к востоку. Однако для таких людей, как Астафьев и Распутин, центр жизни там, где живут они сами, а главное – где живут их герои. Герои Астафьева, его необыкновенно личной автобиографической прозы крепчайшими жилами привязаны к “Батюшке-Анисею”. И мощь эта человеческая, да и литературная, происходит именно от этой непостижимой реки.

До сих пор идут споры, что считать Енисеем: сам Енисей от Кызыл-Хэма или Енисей с Ангарой, вытекающей из Байкала и впадающей в Енисей вблизи Енисейска, удивительного города-музея, бывшей столицы Енисейской губернии.

Судьбы Енисея и Ангары и схожи, и различны. По этим рекам шло освоение Сибири с запада, по ним исконно лепились станы, расположенные друг от друга на расстоянии, удобном для смены коней, и именно на этих берегах, прижатых тайгой к воде, и жила-развивалась русская жизнь со своими радостями и горестями.

Пожалуй, Енисею в борьбе с беспросветным человеческим бездушьем повезло больше, чем Ангаре, единственной вытекающей из Байкала реке, которая, особенно с воздуха, поражает на выходе своей ясно-синей водой. В отличие от Енисея, прямого, как труба, она по-женски извилиста, изобилует островами и протоками и разливается меж коренными берегами, называемыми матёрой (от слова материк), необыкновенно широко. Она вся – как Енисей в Вороговском многоостровье, удивительном месте чуть выше впадения Подкаменной Тунгуски. Здесь, за знаменитыми скалистыми “щеками” – непомерная ширь меж коренными берегами, а огромный разлив изобилует островами, протоками, тальниковыми поймами.

Покосы на Енисее – узкие полосы заливных лугов, многие из них расположены далеко от посёлков, так что зимой ещё замучаешься сено вывозить на коне или снегоходе – дорог-то нет. Ангара в этом смысле идеальна для сельского хозяйства – огромные покосы прямо на островах, живи и ставь сено в одном месте, под боком. Именно на таком острове и происходило действие повести В. Распутина “Прощание с Матёрой”. Протоки меж островами образуют прекрасные рыбы нерестилища, а сколько зверя в поймах, сохатого и всякой прочей живности – любой охотник позавидует! Живи – не хочу! Недаром целый ангарский уклад сложился на этих красивейших берегах, необыкновенно яркий и крепкий. На Енисее, уходящем к Ледовитому океану, эта основательная нота прекращается – начинается остяцкий Север, где всё переливается приполярная промысловая нота – охотничье-рыбацкая.

Лес на берегах Енисея разный, но в основном это кедрачи, ельники, лиственничники. Ангара же в основном светлохвойная, лиственнично-сосновая. Строевые сосновые боры на ней уникальны, и в этом-то оказалась беда её. Если по енисейским деревьям разрушительной лавиной прокатилось упорное, то Ангара подверглась ещё и налёту леспромхозного беспредела. Попаехало всякого народу, смешавшего-замутившего вековечный уклад и названного Распутиным в повести “Пожар” “архаровцами”. В довершение всего в леспромхозы, где больше платили, ломанулось население из колхозных деревень, особенно молодёжь. Боры вырубались, делянки всё дальше забирались в хребет, разгоняя зверьё. Не отстала и пора ГЭС, на Ангаре их аж три шутки: Иркутская, Братская и Усть-Илимская. Да ещё и недостроенная Богучанская, за которую не так давно снова взялись энергетики – к ужасу ангарцев.

История стройки гидроэлектростанций и затопления деревень – одна из самых болевых тем Сибири. На Красноярском море есть такая традиция – каждое лето на пароходике едут жители затопленных деревень и над местом, где когда-то стояли их дома, поднимают стопочку, поминают прошлое.

Всё это надо знать читателю, чтоб до конца понять великую боль Астафьева и Распутина за тот Божий мир, который дан человеку на уход и преобразование, а получает от него одно нерадение. Веками великих трудов и лишений наживался уклад и требовал одного – служения исконному и вечному. “Батюшка-Анисей” сам всё объяснит и скажет: когда сено ставить, когда соболя бить, а когда селёдку промыслить. А ты не мудрствуй и слушайся, да смири гордыню, иначе будешь, как Гога Герцев, лежать в речке с проломленной башкой.

Разные реки Енисей и Ангара. Ангара представляется красивой и широкодушной женщиной, Енисей – мужиком с прямым и крепким характером. Но везде река – как мера, как основа, а природа – как учитель, как стержень, ведь именно её годовой круговорот и руководит человеком, требуя лишь одного – быть её достойным. Это касается любого дела – и рыбацкого, и охотничьего, и плотничьего. И писательского тоже! И как прекрасно выравнивает жизнь каждого человека Енисеем или Ангарой! Как почётно и писателю быть таким же учеником, как простой ангарец или сельдук, как герой “Царь-Рыбы” Акимка, для которого главный сюжет его жизни – Енисей.

Вот как писал об Ангаре Валентин Григорьевич Распутин:

“Я верю, что и в моём писательском деле она сыграла не последнюю роль: когда-то в неотмеченную минуту вышел я к Ангаре и обомлел – и от во-

шедшей в меня красоты обомлел, а также от явившегося из неё сознательного и материального чувства Родины”.

И ещё:

“Я уверен, что писателем человека делает его детство, способность в раннем возрасте увидеть и почувствовать всё то, что даёт ему затем право взяться за перо. Образование, книги, жизненный опыт воспитывают и укрепляют в дальнейшем этот дар, но родиться ему следует в детстве”.

* * *

Поперечник России в районе Красноярья, то есть расстояние от юга Тувы до Диксона на Таймыре примерно 3000 километров. Да разве кому-нибудь на западе придёт в голову, что Смоленск и Мурманск, стоящие на одной долготе – части единого и строгого целого? А на родине Астафьева так оно и есть, Енисей – это один мир, одна территория, объединенная одной рекой-дорогой – огромной, крепкой, мужественной.

И писатель В. Астафьев – под стать Енисею: такой же кряжистый, крепкий, мужицкий и в своих книгах насквозь речной – пароходский, лодочный, рыбный. Описанию различных рыб и рыбалок посвящены многие строки его произведений. Сами названия за себя говорят: “Карасиная погибель”, “Уха на Боганиде” да и “Царь-Рыба”... Детство писателя прошло на берегах Енисея: от Овсянки на юге до приполярной Игарки – неплохим “плечом” длиной 1700 верст пролегла человеческая судьба! Крепко, пуповинно перевязана она с великой рекой. Так крепко, что крепче не бывает: матушку писателя навечно забрали суровые воды.

Пересказывать романы писателя бесполезно, хочется дать главную ноту, отзвук, с каким прозвучал Виктор Петрович в лучших своих книгах “Последний поклон” и “Царь-Рыба”. Нота эта так же разнообразна, как сам Енисей в разные времена года, в разную погоду. Но она всегда исповедальна, летописна, житийна. Она живёт по законам лирики, и всё происходящее в книге – сугубо субъективно и пропущено через “я” автора. Она пронзительно поэтична и стихийна, а ведь было у кого учиться этой стихийной мощи, когда “Батюшка-Анисей” под боком!

Виктор Петрович не делил литературу на жанры и всегда в едином напряжении силы и честности писал о своём главном и в повестях, и в “Затесах”, и в предисловиях. И так же звучал его голос в выступлениях. И как чередуется на Енисее сизый штормовой вал с зеркальной безмятежной гладью, так в его произведениях возникает то погребельная интонация доверенных рыбалок, то звонкая, как росистое таёжное утро, симфония жизни, то тихое, как белая ночь, откровение. И всегда его голос остаётся пронзительным, как возвращение молодого Витьки с войны к стремительно постаревшей бабушке.

До чего сибирские реки огромны и – линейны, что ли! С парохода, а особенно с вертолёта планетарно бескрайними выглядят плёсы, береговые линии, как по линейке выровненные непомерной работой воды и льдов. С галечниками, поймами, островами... Кажется, огромные ножи лежат, металлически поблескивая на солнце. Как побороть пером это величие, как подобраться к гладкой алюминиевой шкуре, не соскользнуть с алмазного лезвия плёса, как всверлиться, прокопаться туда, каким надфилем? Каким буром забуриться в двухметровый лёд, чтоб заговорила речная громада, живым бугром пробилось слово, заходило по кругу, забирая душу? Никто особо и не пробовал – и вот Виктор Петрович впервые в истории взялся за Енисей. Только догадываться можно, как трудно ему было, первому... И вот сделал он шаг, ступил из стальной параллельности в этот бурелом, чапыжник, “шарагу, вертепник или попросту дурнину”.

С какой любовью Виктор Петрович разгребает эти приречные завалы, роется в тальниках, черёмушниках, копается в самой мелочёвке, пытается разговаривать “Батюшку-Анисея” через какого-нибудь ручейничка или другого бикарасика. А дальше пошло-потянулось, и раскручивается, как верёвочка, великая круговая порука всего живого, великий Божий круговорот – харюз съел ручейничка, харюзка – таймешек, таймешка человек поймал – голодных ребятишек накормил... А глаза поднимешь – надо всеми ними стоит приполяр-

ное небо и учит художника вечной тишине и высоте, любви и смирению, умению каждой красочке-веточке дать место.

Всё-то у него сильное, говорящее, если речка – то угорело петляющая, если пелядка (рыба такая сиговая) – то аж вся жиром истекает... Всё делается с порывом, размахом, повально: если уж рыба, то валит валом, если жрёт, то жрёт, комар если задавной – то задавной, и в этой одушевлённости природных сил небывалым образом енисейская душа и выражается. Есть целые породы здешних мужиков, которые именно так и говорят, и чувствуют, одушевляя всё вокруг, и в первую очередь, Енисей. “Анисей воду взвёл”, “теперь обирает с берегов”... – то есть обирает с берегов лёд. Обязательно надо наделять природу волей, представить как некое огромное существо с огромными своими желаниями, хозяйственными заботами, по сравнению с которым человек мелочь, вроде ручейника.

Любимые герои Астафьева – дети Батюшки-Енисея, принявшие его правила, живущие по его закону. Такое верное и святое дитя – Акимка, весь искорёженный жизнью, с брюхом, присохшим к хребту ещё с голодного тундряного детства, весь побитый морозами, крученный, как полярная листовка из юности Виктора Петровича, и такой же негибаемый, неказистый, тщедушный, но с огромной душой нараспашку.

С великой нежностью относится Виктор Петрович к таким Божьим людям, которые будто на ладони со своими бедами-радостями. И не терпит обуянных гордыней, возомнивших себя сильней и независимей Бога. Гога Герцев вроде бы рукастый, опытный, тёртый и совсем не горожанин-белоручка. Он и с “тозовки” лупит отлично, и топорщице у него ладное. Но нет, не пронять этим Виктора Петровича, поэтому и наказывает Гогу, этот персонаж-идею, даже не автор, а Батюшка-Енисей через одну из своих подопечниц-речек.

К слову: удивительно слабым и бесцветным выглядел фильм по одной из глав “Царь-рыбы” под названием “Сон о белых горах”. Эта несколько приключенческая история, в которой многие не желали узнавать Виктора Петровича, на самом деле тоже вполне его. Енисейские охотники были особенно тронуты и взбудоражены ею. Помнится, ещё во времена, когда население по-настоящему жило книгами, один из них с жаром говорил: “Не, ну ты представляешь, приходит мужик в зимовье, а там баба!”. Этот момент, жизненный и острый, уловил своим чутьём Виктор Петрович – каждый охотник мечтал о таком приключении. А фильм получился и вправду слабый – больше всего убило, что съёмщики даже поленились на Енисей слетать. Только в титрах идут осенние виды тайги, снятые с вертолётки, похоже, где-то под Красноярском, может быть, на любимой киношниками Мане. Остальное снято, скорее всего, в Карелии: европейская природа и совсем не похожий на тайгу елово-сосновый лесок и бараньи лбы. Да и малоубедителен главный герой, крепыш Кононов. Никак он не вяжется с тщедушным Акимкой. Не спасает даже суконная куртка-азям, к которой зачем-то пришили как-то прямо газыри для патронов – никто в жизни на Енисее таких газырьков не видывал. Ладно...

Не принявшие правила справедливости и добра – не обязательно пришлые на Енисее. Почти так же жестоко наказан ещё один герой “Царь-Рыбы”, вроде бы уважаемый енисейский мужик Игнатич, который оказался вовсе не таким образцовым, как думалось, а при ближайшем рассмотрении и вовсе гнилым. Это рассказ о грехе и возмездии. И человек здесь не победитель, как в “Старике и море”, а побеждённый, посягнувший на неподвластное, наказанный за эгоизм и жадность...

А для тех, кто не знает, – крючки самоловные штука действительно опасная, потому без ножа никто и не ездит на рыбалку: если вдруг подцепился в горячке – отмахнул коленце и спасён. Тема эта старинная промысловая, да и, если смотреть шире, жизненная: поставил ловушки – гляди, сам не влети.

Самолов ставят на течении, крючки привязаны капроновыми поводками к хребтине – верёвке с грузами, лежащей на дне. К крючку на симочке крепится пробочка, заставляющая крючок стоять, вибрируя на течении. На него и набрасывает струёй стерлядку или осетра. Всё дело в движущейся, скользкой водной стихии: чтобы понять работу самолова, надо представить, будто не вода со стерлядками несётся сквозь ловушку, а наоборот, неподвижную воду, полную рыбин, тралят крючки. Никакая стерлядка, конечно, не “играется” с крючками – это для красного словца говорилось стариками, хотя

в старину даже красные тряпочки привязывали к крючкам, чтоб интересней было рыбе “играться”.

Рыба протыкается крючком за тело и болтается на течении, рвя шкуру, пока её не снимет рыбак. На самолов в основном ловятся рыбы бесчешуйные – шкура легче протыкается крючком.

Памятник Царь-Рыбе по дороге в Дивногорск изображает осетра и раскрытую гранитную книгу Виктора Петровича. Только осётр почему-то попал в сеть, а не в самолов, либо скульптор не знал тонкости, либо кто-то остерег от изображения самолова, дескать, запрещённая снасть, лучше не лезть в эту болезную тему: вдруг инспекция недовольна будет.

В прежние времена верёвка была не капрон, а обычная, гниющая, крючки – ржавейка, и пробочки из бересты, самокрученные, а главное – ставили и смотрели ловушку на гребях, а не на моторе. Всё это было нелегко и требовало большого труда. Да и аппетиты другие были: рыбой никто не торговал, как сейчас, а добывали “поись”. Нынче борьба совсем уж неравная – о неравенстве её и писал Виктор Петрович.

Снулых (то есть не живых, погибших) рыб выкидывают – ими можно отравиться, был случай, когда один командир “Ми-8”, поев в гостях такой осетрины, начал слепнуть в полёте и еле посадил машину. Ему повезло: зрение вернулось – отравление оказалось не сильным. Обычно рыба на самолове гибнет от того, что ловушку редко проверяют; если вовремя посмотреть, ничего подобного не будет. Высмотрю самолова могут мешать две вещи: сильный вал на Енисее или подошедшая рыбинспекция. Тогда рыба и пропадает. Мужики бухтели на Виктора Петровича, что сгустил краски, описывая самоловщиков. Долго обсуждалось, как “прописал неправильно”, “во скоко выкинул снулой стерлядки!”, “так не бывает”, “да и вообще нас, браконьеров, не понял!” и так далее. Рыбаки-охотники любят, когда их жизнь описывают с дошностью пособия по промыслу да ещё и с одобрением и восхищением их трудом и образом жизни! Не на того напоролись! Астафьева с его обнажённой, всеотзывчивой душой по сердцу резала жестокость этой ловушки, где рыба мучается часами, рвя шкуру, срывается, калечится. И писателем руководила не жажда создать фотографической точности документ, а боль за Божью тварь и ненависть к хапужничеству.

Но ещё сильнее болел он, задавая главный вопрос: да почему на такой богатой земле так нескладно всё выходит, как в этой Шуши (селе Ярцеве вообще-то), где всего несколько машин, которые дают народ? И почему в посёлке Бор, который стоит в таком прекрасном месте (это уже из “Затесей”) – такая помойка? Восхищение Божьим миром и горечь за нерадивость людскую – вот главные ноты его творчества.

У обоих писателей – и у Распутина, и у Астафьева – обострённо-кровное чувство “нашего” – по-другому и быть не может, если чувствуешь свою землю так, что сколько книг ни пиши, а всё равно будто и не сказал ничего... Всё в начале пути – оттого-то и написано так много.

Мой любимый рассказ Астафьева – “Капля”. Прочитайте его отдельно. День на него выделите. Отрешитесь от всего. Вот сейчас только перечитал в который раз – и снова накатило, когда подобрался к этой великой таёжной ночи на речке Опарихе, несколько раз останавливался, откладывал книгу... Когда читаешь подобное про Сибирь, душа достигает такого трепета, что кажется: нет уже авторства у этих слов, а есть нечто необъятное, наше общее с писателем, и что эти огромные слова существовали исконно... И в который раз ты вместе с Астафьевым встречал это пронзительное утро, подкравшееся так незаметно за размышлениями о главном...

Необыкновенно тонко описаны все состояния тайги, причём обязательно как единого целого, как круговорот взаимобязанностей. За версту слышно неловко севшую в дерево копалуху (глухариную мамку). Крохаля, сплавляющиеся по речке, озадачены костром и настороженно перекликаются. В тайге бывает издали слышно, как копалуха или глухарь садится в дерево – этот звук жизненно значим для охотника: когда собака осенью на охоте поднимает глухаря, необыкновенно важно, улетел он или всё-таки сел?

Крохаля – есть на таёжных речках такие рыбоядные утки с клювом, как пилка, только мягоньким – почуяв-увидев костёр, начинают беспокоиться, переговариваться: подмечено это необыкновенно тонко. А сова! Которая уменьшилась, оплыла, прижав перо к телу! В каждой такой строчке – целый

огромный мир, целая картинка, и одна жалость, что полностью оценить это может лишь тот, кто всё это сам пережил. Жаль тех, кому не повезло, но зато у них есть возможность с чистого листа представить себе картину так, как подсказет им воображение.

И снова читаешь, со светлой завистью отмечая слово “сеево”:

“Серебристым харюзком мелькнул в вершинах леса месяц, задел за острие высокой ели и без всплеска сорвался в урёмную гущу. Сеево звезд на небе сгустилось, потемнела речка, и тени дерев, объявившиеся было при месяце, опять исчезли”.

И дальше: “Чуть приостановив себя на выдавшейся далеко белокаменной косе, взбурлив тяжёлую воду, батюшка Енисей принимал в себя ещё одну речушку, сплетал её в клубок с другими светлыми речками, речушками, которые сотни и тысячи вёрст бегут к нему, встревоженные непокоем, чтоб капля по капле наполняя силой вечное движение”.

Длилась, нарастала эта светлая таёжная ночь, и всё шли на подъём переживания души, и так работало сердце, что наконец почувствовал человек “вершину тишины”. Как сказано и как описано это чувство – чувство вершины, чувство перелома, когда и сам человек не в силах долго оставаться на острие переживания и должен знать меру, посильность и цену великого.

И вот огромное с маленьким смыкается и наступает предел, когда повисает капля, готовая обрушить весь мир. Со всей силой пережитого на войне писатель чувствует погибельное состояние мира и молит каплю, сияющую на талиновом листе, повременить... Потому что она сияет и держит этот мир в сохранности – символ великой Божьей гармонии и красоты. Хрупкая, как добро. Но как сказал замечательный батюшка из Новосибирска, отец Феодосий: “Если бы не было добра и Бога, зло давно бы победило”. Не случайно разговор с каплей происходит, когда спят ребята, за которых Петрович в ответе, спит Земля, и Виктор Петрович будто бдит этой белой таёжной ночью, охраняет сон планеты, всех её ребят, глухарят, харюзят...

И дальше он говорит о том, что человек нарушил гармонию, – это “моя душа” посеяла тревогу, – а в природе всё покойно и мудро... И дальше следует потрясающее описание копалухи – это именно она тогда шумно садилась в кедрину. Она не просто полетела, а размять крылья, ведь она на гнезде сидела. И тут целая симфония круговой поруки начинается – и про птенцов, и про то, как трогательно присела птица на поляну поклевать прошлогоднюю кислую помятую брусничку. И сразу кажется, будто сам маленький голодный Витька предвоенной весной эту брусничку в Игарской лесотундре клевал, как та копалушка. И вот она снова на яйцах: “горячим телом, выщипанным до наготы, она накрыла яйца, глаза её истомно смежились – птица выпаривала цыпшук – глухарят”.

И незаметно за душевной работой подошло утро – и засветились тысячи капель торжествующим сиянием жизни, и спустя четверть века поражённый этим сиянием автор благодарит Бога, что его не убили на войне, что дожил он до этого утра.

Тем тайга и сильна, что именно здесь и происходят такие открытия. И везде исполняется великим круговоротом Божий замысел, везде извечные тайны: забота взрослых о маленьких, кормёжка, тепло. И незримо присутствует бабушка писателя с её заботой – кажется, даже заgrabной – о маленьких Витьках, Ваньках, Петьках, не по-детски угруженных жизнью, брошенностью, голодом, ревматизмом... Это книга “Последний поклон”. Её тема – великая круговая порука всего сущего, справедливость и благодарность. А гениальный рассказ “Конь с розовой гривой” – потрясающий образец православного повествования. Специально не буду пересказывать этот рассказ о прощении и покаянии. Его читать надо.

Чувство земли родной – это единственное, что может двигать настоящим русским писателем. Через окружающий Божий мир познаётся эта земля, через природу и почему-то обязательно через мир растений. По-моему, никто с большей любовью и вниманием не писал о них, чем Виктор Петрович. А его чувство осеннего огорода, кровное и глубинно крестьянское, земляное и предковое – оно у него врождённое. И доведены до священнодействия осенние приготовления к зиме: подчищение жизни, приборка и заготовка. Здесь и подведение итогов, и успокоение, и волнение от надвигающейся долгой зимы, которую ещё и пережить надо. “Долгая и стойкая зима-прибериха

снегами и морозами заклинивала деревенскую жизнь...” – какой ритм потрясающий и по звуку, и по смыслу. А года голодные были – “капустка за лакомство токо уходила”. Мелочи часто говорят больше, чем лобовые слова – именно в способности писателя подмечать подробности любимого мира и является нам его щедрость, его способность дать место любой травинке. И вот корова в огороде осеннем стоит и недоумевает, что же произошло: ещё вчера её в три шеи гнали отсюда, орали, хозяйка носилась с прутом. А сейчас успокоились... Действительно, вот и осень. И бык на Енисее запенился белым подбоем, и гуси пролетели мимо, потому что негде им присесть в скалистых местах астафьевской родины. С ноткой извинения сказал-позаботился писатель об усталых гусях, что из таймырской тундры летят за тысячи верст на зимовку, чтобы весной снова вернуться.

И в рассказе “Пир после победы” навсегда остался Астафьев мальчишкой, очарованным мирозданием. Как он, пронзённый войной, вернулся домой и идёт по левому берегу Енисея, чтоб потом переправиться в Овсянку... И у речки Караулки забредает в бакенскую избушку к двоюродному своему братишке Мише. Радость, встреча, разговоры, а потом они ловят в сеть тайменя.

Виктор Петрович описывает этого тайменя две страницы, пораженный, как дитя, его мощью, красотой, его смертью и угасанием. Увеличивая до бесконечности, словно слои снимая, описывает так и сяк его плавник, жабры, каждую крапинку. У него вообще много про угасание ленков и таймений...

Смерть рыбины после войны он сам, насмотревшийся смерти, уже видит по-другому – не как убийство, а как добычу. И в том находит великое облегчение.

А дальше следует “Последний поклон” – завершающий рассказ, который так и стоит в конце книг эталоном прекрасного, нравственного, непреходящего. И когда добираться до его встречи-прощания с бабушкой, дождавшейся внука с войны, – это читать почти невозможно, настолько сердце разрывается от простых этих слов. Вот какой строгости и силы набрал Виктор Петрович в лучшей своей книге!

Своей главной ноте Астафьев верен во всех произведениях и в потрясающем завещании-обращении к молодёжи: “Верю и надеюсь, что вы будете достойны и нашей памяти, и той прекрасной планеты, на которой выпало нам жить, а вам продолжать эту жизнь”.

Астафьев – писатель-поэт, писатель-летописец. И тема летописи – постоянная боль о жизненных изменениях, потому что, как ребёнку изначально дан мир детства, так и кажется, что должен он быть незабываемым. Этой очарованностью детством и болью за рушащуюся жизнь пронизаны все книги Астафьева. Они и нас, читателей, наполняют извечным светом – и через бабушку, и через маленького Витьку, который красоту и горечь жизни так трудно и самоотверженно пронёс через свою долгую судьбу. И не зря в конце рассказа “Пеструха”, посвященного Валентину Распутину, бабушка читает Мольтву Оптинских старцев.

* * *

Ангара с той кристальной водой, с которой она вытекает из непостижимого Байкала, словно отражает характер прозы Валентина Григорьевича Распутин и ту кристальную чёткость замысла, с которой он воплотился в одной из лучших повестей двадцатого века “Последний срок”. Схожи названия произведений двух писателей: в книге “Последний поклон” тоже слово “последний” стоит на первом месте. И объединяет эти произведения исповедальность последнего рубежа – подведение великой черты, ответственность и почти непоследняя глубина.

Вот что пишет о детстве писателя И. А. Панкеев в книге “Валентин Распутин. По страницам произведений”. Родился Валентин Распутин 15 марта 1937 года в Иркутской области, в посёлке Усть-Уда, расположенном на берегу Ангары, в трехстах километрах от Иркутска. И рос в этих же местах, в приютившейся неподалёку (по сибирским меркам), всего в полсотне километров от Усть-Уды, деревне с красивым, напевным именем Аталанка. Этого названия мы не увидим в произведениях писателя, но именно она, Аталанка, явится нам

и в “Прощании с Матёрой”, и в “Последнем сроке”, и в повести “Живи и помни”, где отдалённо, но явно угадывается созвучие: Атановка. Природа, ставшая близкой в детстве, оживёт и заговорит неповторимым своим языком в книгах писателя. Конкретные люди станут литературными героями. Поистине, как говорил В. Гюго: “Начала, заложенные в детстве человека, похожи на вырезанные на коре молодого дерева буквы, растущие, развёртывающиеся с ним, составляющие неотъемлемую часть его”. А начала эти применительно к Валентину Распутину немыслимы без влияния самой Сибири – тайги, Ангары; без родной деревни, частью которой он был и которая впервые заставила его задуматься о взаимоотношениях между людьми; без чистого, незамутнённого народного языка. В большом автобиографическом очерке об одной поездке “Вниз и вверх по течению”, опубликованном в 1972 году (по сути, самостоятельной повести), Распутин опишет своё детство, большое внимание уделяя именно природе, общению с односельчанами – тому, что считает определяющим при формировании души ребёнка и его характера.

Сознательное детство его, тот самый “дошкольный и школьный период”, который даёт человеку для жизни едва ли не больше, чем все оставшиеся затем годы и десятилетия, частично совпал с войной: в первый класс Атановской начальной школы будущий писатель пришёл в 1944 году. И хотя здесь не гремели бои, жизнь, как и везде в те годы, была трудной, временами голодной. “Для нашего поколения был очень труден хлеб детства”, – отметит спустя десятилетия писатель. Но о тех же годах он скажет и более важное, обобщающее, что найдёт затем отражение в его творчестве: “Это было время крайнего проявления людской общности, когда люди против больших и малых бед держались вместе”.

Ещё и то, что хотел стать учителем, – тоже важный штрих, объясняющий какую-то постоянную атмосферу ответственности в его творчестве, сдержанность и внутреннюю дисциплину. Астафьев бурен, стихийен, по-речному и по-таёжному буреломен, Распутин собраннее, классичнее, и Ангара его будто сознательно лишена сибирского колорита и подогнана под русский классический эталон. Словно писатель говорит: не до экзотики нам, когда речь идёт о главном. Конечно, говорить о какой-то сдержанности или отстранённости можно только в кавычках, только как о внешней манере: будучи настоящим русским писателем, он необыкновенно субъективен, неравнодушен и беспощаден ко всем своим героям. Кого любит, тех уж любит, кого нет – того нет.

Все ангарские беды – и леспромхозы, и гидроэлектростанции – Валентин Григорьевич пропускал через сердце, на каждую потерю откликнулся повестью. А ведь только такой и может быть настоящая наша литература: больно, когда видишь, как обращаются с твоей землёй, – хоть приехали, хоть свои, – больно так, что и сказать нельзя, а надо. Необходимо. Иначе жить зачем? А Сибирь – это страна, которую не то что местный – и приезжий, раз увидев, уже не может не полюбить. Чехов, поражённый Красноярском, с надеждой и восхищением писал об этом месте в своём дневнике во время путешествия на Сахалин. Она воистину Божий подарок, эта земля, поэтому таким физически ощутимым горем отдавалось в сердце обоих писателей каждая её рана.

Повесть “Последний срок” – произведение строгое, чёткое и абсолютно совершенное, и при этом столь же жизненное и непридуманное. У каждого писателя, и я в этом уверен, она вызывает правильную писательскую зависть: ну, как же он подсмотрел такое? Как увидел? Или подсказал кто? Ну, как же повезло писателю! Как берёг он такое счастье, как боялся уронить, не ошибиться, дотянуть до какой высоты! Какое испытание!

Меня всегда удивляла критика, дотошно разбирающая характеры Анны и её детей, наряду с тем, что сама задумка воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Давайте задумаемся: да как вообще писателю такое пришло в голову? Именно это и представляется главной загадкой. И дело именно в том, что ситуация, лёгшая в основу повести, – такая, с которой каждый человек обязан столкнуться в своей жизни. Особенно у нас, в Сибири, где расстояния огромные, и как быть, если заболел близкий человек, и надо ехать, и не отпросишься с работы надолго, и самолёты не летают добром? И как попасть, прицелиться сквозь такие расстояния? Не промахнуться? Вроде сюжет-то простой, на земле лежит, под ногами. А Распутин один разглядел. И поднял. Это самое сложное.

Поражает и старуха Анна, изжитая до “последнего доньшка” с её приятием смерти, с великой мудростью и смирением, и потрясающе-выпуклые и жизненные образы детей, ничего не понявших в их собственной матери. Врезаются в душу они с детства и на всю жизнь: и горожанка Люся с её показной и фальшивой “культурностью”, оборачивающейся полной душевной чёрствостью, и простоватая Варвара, и Илья, скользящий по вершкам, и Михаил, самый духовно близкий матери человек, и, конечно, загадочная Танчора.

Захватывает и центральная история с пьянкой, полная горького юмора, и контрастирующая с ним кровная любовь автора к старухе Анне, с которой они сливаются в философских монологах перед смертью старухи. Ведь говорено, что никому не дано знать, что думает человек перед смертью. Так сколько же сам Распутин передумал-испытал, пока писал! И подумаешь – воистину великое перерождение испытывает художник, пройдя через такую книгу, такую задачу. Произведение это истинно многослойно и даёт такой простор для размышлений, что откладываешь книгу и замираешь, чтоб дать сердцу передых.

Пересказывать повесть вряд ли стоит, поэтому позволим обратиться к ещё одной вещи Распутина, которая в контексте наших дней наводит на самые горькие выводы.

Речь идёт о книге “Прощание с Матёрой”, широко известной и у нас, и за рубежом. При существующей ситуации с Ангарой об этой вещи спокойно говорить невозможно. Повесть эта посвящена страшной странице сибирской истории – трагедии затопления, в ходе которого населения целых деревень насильно переселялись на другие места, а опустевшие дома сжигались и горели кострами с внеплановой символичностью. Такую судьбу пережили жители Енисея выше Дивногорска.

Трагедия попрания векового уклада, неспособность руководства видеть главное и полное небрежение к судьбам своих граждан – это одна из непреходящих тем нашей литературы. Когда вышла книга “Прощание с Матёрой”, когда вся страна смотрела фильм с тем же названием, то было ощущение такой великой силы искусства, силы писателя, способного прокричать об ужасающей несправедливости, о преступлении против Отечества. О том, когда ради чего-то сиюминутного и могущего принести весьма условную выгоду ломается самое главное для любого народа – традиция. А возможный ущерб от ГЭС и ту опасность, которую они представляют в случае чрезвычайной ситуации, вряд ли кто-то из их сторонников просчитывал! И в те далёкие годы, когда страна внимала этому крику писателя о беде, всем казалось, что в этом и есть задача искусства: повлиять на существующую действительность и, если не остановить происходящее, то хотя бы предупредить, предостеречь людей от грядущих ошибок.

Это оказалось великим заблуждением. То, что сейчас происходит с Ангарой, – возобновление строительства Богучанской ГЭС – тому свидетельство. То, о чём прокричал Распутин, происходит годы спустя с фатальной настойчивостью. Так же людей готовят к переселению, так же сжигаются деревни, так же плачут жители Кежмы и многочисленных посёлков и деревень Ангары.

С горечью хочется подвести черту и сказать: ничему не учится человек, никакая самая гениальная литература не может остановить разрушительную энергию человека, и это ставит перед каждым русским писателем вопрос: а зачем тогда нужна литература, если она ничего не в силах изменить?

И одолеть это сомнение и отчаяние можно только через глубочайшее смирение перед своей долей. А задачей русского художника, который во все лихолетья чувствовал ответственность и обязанность быть летописцем, плакальщиком и защитником родной земли, задачей этой будет – всегда учиться силе у простых русских людей. И у своих героев, таких как старуха Анна и Дарья, таких как Витькина бабушка Катерина Петровна из “Последнего поклона”.